

— Ой, ну что мы тут стоим, как студенты? Холодно же! Поехали ко мне! Мой, как всегда, весь в работе, так что никто не помешает. Это рядом. Правда, придётся на маршрутке, машина в ремонте... Зато я могу кофе сварить.

— Как тогда?

— Лучше, Стёпушка! Гораздо лучше. Я же постоянно во всём совершенствуюсь! Ты ж меня знаешь! А вот и наш... Поехали!

Они стояли на задней площадке полупустого автобуса и улыбались. Она без усталости болтала, глядя на мелькающие за окном улочки и проспекты. Он едва сдерживал громкое буханье в груди.

Она почти не изменилась. Стала ещё тоньше, стильнее, ярче. Щебетала про «вспомнил это кафе? а тут мы... помнишь?», и грязное стекло маршрутки отзеркаливало увальня — тюленя рядом с колибри. Он ничего не помнил. Только её.

Она пришла в их девятый класс после новогодних каникул. И в первый же день, кажется, на алгебре, на него обрушился аромат. Он поднял голову навстречу незнакомой терпкой сладости и наткнулся взглядом на пленительный изгиб шеи, обрамлённой мелкими кудряшками. Даже во сне потом он видел не всю её, а эти чёрные завитки на белой коже.

— Всё, приехали! Выходим.

Новенькая элитная многоэтажка не успела растерять запаха ремонта.

— Давно здесь?

— Недавно переехали. Ну, заходи! Будь как дома. Проходи, не стесняйся, тапки у двери,— крикнула она уже из кухни.— Банный комплекс налево.

В ванной он пригладил мокрой рукой волосы, провёл тыльной стороной ладони по колючей щеке. М-да... Кто бы знал!.. Столько лет...

Волшебный аромат кофе, пробившись из кухни, всколыхнул в памяти последнюю встречу.

Она тогда в очередной раз навсегда рассталась со своей единственной любовью и в горе-печали вызвонила друга детства. Он тут же примчался, отговорившись перед невестой необходимыми закупками к свадьбе.

Та её квартирка была совсем крошечной и неприступной. А чувства к ней казались громадными и всё ещё возможными. Он так часто представлял, как останется с ней один на один, что ничего не слышал и не соображал. Она металась по кухне, кодовала над кофе, тараторила, замолкая лишь для того, чтобы выпить вина, а он, вжавшись в глубокое кресло, стискивал ладони, пытаясь унять дрожь. Ему бы, забыв обо всём, вклиниться в этот поток слов, сопровождающийся ртутными передвижениями. Врезаться всей мощью в сырость девичьих обид, сменяющуюся колокольчиками показной беспечности. Выплеснуть из себя то, что за несколько лет трансформировалось из летучего эфира в железобетонную безнадёжную уверенность — любовь.

Как давно это было! Сегодня в магазине игрушек он увидел впереди себя знакомые локоны и, боясь поверить, тихо выдохнул:

— Са-а-а-аш...

Она обернулась, и вдохнуть удалось с трудом.

— Слушай, мы с тобой не виделись лет семь, да?

— Десять.

— Десять? Обадеть! Не может быть! Десять лет! У тебя, наверное, жена, дети?

— Двое.

— Кукла для дочки?

— Да.

— Двое! Ну ты герой! А мы не спешим. Ну, давай присаживайся. Вот сюда. Аккуратно! Этот столик мы из Италии привезли. Круто, да?

Она всегда была такой! В деревне, куда родители Саши сбежали от столичного шума, её сразу же прозвали Принцессой. Она любила всё красивое и всё почему-то получала по щелчку. Влюблённые взгляды Степана — главного красавца класса — тоже.

Когда Саша поступала в институт, Стёпа отправился за ней, сдал документы на тот же факультет и, провалившись на вступительных, определился в ближайший к её вузу технический колледж. Друзья-знакомые прозвали их «командой СС», в которой он был отличным личным другом, а она — недосягаемой мечтой.

Через три года он закончил учёбу, уехал назад, в Измайловку, но точку для себя так и не поставил. Периодически приезжал, чтобы снова вдохнуть её запах и оставить очередную зарубку на своём сердце.

В их последнюю встречу у него появился реальный шанс всё изменить. Три бокала выпитого ею вина были в его пользу (три — ноль, кофе не в счёт). Саша, сидя на широком подлокотнике кресла, перебирала густые жёсткие волосы на его макушке и мурлыкала: «Никто меня, Стёпушка, не понимает так, как ты! Никто не ценит! Ты один у меня остался. И куда мои глаза раньше смотрели?» А он мысленно кричал: «Выходи за меня... Выходи за меня...» — и с трудом сглатывал комок со вкусом её фирменного кофе. Чтобы потом молча зарыться в чёрные кудри и пропасть.

— Держи! Самый лучший кофе в мире! — она вырвала его из той последней встречи и протянула дымящийся напиток в изящной фарфоровой чашке.

Кофе, как и тогда, ошеломлял буйством ароматов: еле уловимый шлейф ванили и мускатного ореха, горьковатая пикантность гвоздики, жгучий оттенок имбиря, терпкий привкус корицы...

Степан откинулся на мягкую спинку дивана, отпил этой пахучей густоты...

— Лучший кофе для старого друга! Ну, не совсем ещё старого!.. — рассыпала она смех. — Ну, ты понял, да?

Он понял! Так приходит просветление! Он враз осознал, что удержало его от признания десять лет назад. Громко выдохнув, мужчина поставил чашку на изысканный мраморный столик.

— Что? Не нравится?

— Да нет, отлично всё!

— Как тогда?

— Как тогда.

Кофе манил утончённым благоуханием, дразнил предвкушением блаженства и... и всё! На вкус — мерзость редкостная.

Ну не понимал он этот их кофе! Вообще!

Душистый земляничный чай, который так вкусно заваривала его Катюха,— это да! Чтоб после баньки! Или холодное молоко с тёплым хлебом. Солёные огурчики под водочку!

— Ладно, спасибо тебе, Саш, пойду я. Пора мне. На автобус надо поспеть.

— Что так быстро? Мы даже не поговорили. Рано ведь ещё!

— Пойду. Давно уж пора.

Он вышел на улицу, глотнул морозного воздуха, и тот, пробравшись в самое нутро, смёл шелуху давних зарубок и решительно выветрил пряный аромат корицы.